

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

ДИКИЙ ОПЕР

ЭКСМО

Сергей Зверев

Дикий опер

«ЭКСМО»

2014

Зверев С. И.

Дикий опер / С. И. Зверев — «Эксмо», 2014

В столичной гостинице зверски убит губернатор одной из уральских областей. Правоохранительные органы располагают информацией, что убийство совершено представителями этнической преступной группировки при непосредственном участии высших полицейских чинов области. Дело передают в Управление собственной безопасности ГУВД Екатеринбурга, и к расследованию немедленно подключается лучший сотрудник подразделения – капитан Антон Копаев. Он вылетает в область под видом столичного криминального авторитета. В его планах – сблизиться с представителями местного криминалитета и получить от них сведения о заказчике преступления...

© Зверев С. И., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Зверев

Дикий опер

© Зверев С., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Пролог

Начальник Управления собственной безопасности ГУВД Екатеринбурга Быков положил трубку и отложил очки в сторону. С минуту думал, после чего вынул из кармана мобильный телефон и нажал кнопку быстрого вызова.

– Антон? Как далеко ты от квартиры?

– Полчаса езды, – ответил ему молодой уверенный голос.

– Через полчаса я жду тебя там, – сказал полковник и отключил связь.

Он ехал на конспиративную квартиру, о существовании которой знали всего несколько человек в ГУВД. На седьмом этаже обыкновенного девятиэтажного дома начальник УСБ встречался со своим лучшим сотрудником. Капитан полиции под прикрытием Антон Копаев, бывший оперуполномоченный уголовного розыска, а ныне оперуполномоченный Управления собственной безопасности ГУВД, был лишен необходимости прибывать на службу по утрам на селекторные совещания, гладить форменные брюки и носить фуражку. После увольнения из уголовного розыска, а случилось это пять лет назад, его никто и никогда уже не видел в форме. Для всех Копаев – сотрудник строительной компании, менеджер, «менеджер», бывший. Многие при встрече с ним откровенно сожалели об уходе Антона из уголовного розыска. Жаловались на перемены, вспоминали прошлое, а Антон, кивая, сочувственно разводил руками, огорчился и вздыхал. И никто не знал и знать не мог, что Копаев продолжает службу и по-прежнему носит погоны полицейского. Но если раньше он разыскивал воров, грабителей и убийц среди признанного отребья, то сейчас ему приходилось заниматься тем же самым, да только среди тех, кто носит погоны – среди сотрудников полиции.

Звонок из Москвы Быкова огорчил. Начальнику Главного управления собственной безопасности для работы в столице понадобился опытный, уравновешенный, физически крепкий сотрудник, способный сыграть роль следователя Следственного комитета. Два часа назад в номере московской гостиницы «Потсдам» было совершено убийство, и до сих пор имеются все основания полагать, что к нему причастны люди в погонах. Кроме того, ситуация осложнена версией об участии в преступлении закавказских преступных группировок. Можно было использовать сотрудника УСБ ГУВД Москвы, но начальник Главного управления решил задействовать сотрудника со стороны.

Огорчился полковник Быков не поэтому. Антон занимался делом о коррупции в ГИБДД Екатеринбурга, уже имелись наработки, и вот теперь приходилось уводить из дела Копаева и заменять его другим сотрудником. Пока тот войдет в курс дела, пока притрется... Но руководителю Следственного комитета и руководителю ГУСБ понадобился опытный опер. И последний позвонил Быкову. Тревожить кого-то за Уралом смысла не было – пока «следователь» долетит, у виновных лиц появятся обоснованные подозрения.

– То есть как работать за следователя Следственного комитета? – удивился Антон. – Это же липа! Дело развалится.

– Если только ты не развалишь, – спокойно парировал Быков.

– Нет, я понимаю – смешаться с бандюками под прикрытием. Но смешаться под прикрытием с сотрудниками Следственного комитета?..

– Ты будешь расследовать дело – присутствовать на всех следственных мероприятиях. В твоём распоряжении будет группа, состоящая из сыщиков МУРа, и эксперты. После окончания работы ты передашь дело кадровому следователю по особо важным делам Следственного комитета России. Он закончит работу.

– И такое возможно? – искренне удивился Антон, открывая для себя новое в практике работы правоохранительных органов.

– Такое делалось не раз, но не все об этом знают. Часто дело с самого начала ведут опытные специалисты из ФСБ, Управления собственной безопасности и даже ГРУ. И когда искомый результат получен, дело передается обычному следователю.

– Я об этом не знал.

– Об этом узнают только те лица, которым это поручается, и только в последний момент. Когда работа будет закончена, ты передашь дело следователю Следственного комитета, и он доведет его до суда. Если таковое вообще случится...

– А он будет информирован, что является частью игры?

– Нет, конечно.

Антон в растерянности прошелся по комнате и подошел к окну. В песочнице играла детвора – это было понятно. Голубь, сунув голову под крыло, сидел на ограждении балкона – это тоже было понятно. Остальное было непонятно.

– Зачем такие сложности? Пусть следователь расследует, а я буду заниматься своим делом! К чему усложнять?

Быков размешал сахар в чашке чая и откинулся в кресле.

– Копаев, внедриться ты уже не сможешь – не хватит времени. Тем более, если там орудут кавказцы. Ходить по пятам за следователем – даже дурак поймет, что ты прибыл забрать чью-то голову. А продажный коп с хорошим стажем выкупит тебя через две минуты.

– Я бы не был так категоричен, – усмехнулся Антон.

– Твоя главная задача – понять, кто из сотрудников полиции или смежных ведомств замешан в коррупции в рамках этого уголовного дела.

– Когда совершено убийство?

– Убийство совершено, скорее всего, вчера, но труп обнаружен два часа назад.

– И руководству уже известно, что имеет место коррупционная составляющая?!

– Значит, уже известно. Или есть подозрения. Тем более, если потерпевший лицо известное. – Быков присмотрелся к оперу. – Ты не устал, сынок?

– Может, и устал, – признался Антон.

– На том свете отдохнем. Итак. В гостинице «Потсдам» убит человек. Чтобы не путать тебя, больше не скажу ни слова. – Быков бросил на стол пухлый конверт. – Здесь деньги, удостоверение и билеты. Прибудешь в Москву, сразу отправишься в Следственный комитет России. Там тебя ждет заместитель руководителя. Он в курсе и будет тебя вести. Главное, запомни: ты – следователь. Ты – расследуешь дело. Но помни: твоя задача – отыскать людей в погонах, причастных к убийству. Если причастными окажутся люди из законодательной или судебной власти – на тебя никто не обидится. Это всё. Твой самолет через два часа.

– Я что, не успею и душ принять?

– А ты бегом, – посоветовал Быков, похлопал Копаева по плечу и направился к выходу из квартиры. Чашка чая на столике осталась нетронутой. На пороге полковник обернулся.

– Удачи, следователь Приколов.

Глава 1

Коридорный хорошо помнил – ночью горничная Майя доложила, что господин из триста семнадцатого номера еще с вечера просил зайти к нему, разбудить и принести чашку кофе со стаканом апельсинового сока и двумя поджаренными тостами. Коридорный еще подумал тогда: «Насмотрелись фильмов. Какой русский, будь он трижды состоятелен, будет утром пить сок и хрустеть хлебом?» Майя не успевала с уборкой, тем не менее желание клиента в этой гостинице, как и в остальных других, было законом. А законы для того и существуют, чтобы их исполнять. А потому Майя попросила Колмацкого заменить ее с доставкой. Сумела найти для этого нужный момент – ночью, когда в контексте общей обстановки его отказ выглядел бы откровенным свинством. И он, конечно, согласился, ибо взаимовыручка в «Потсдаме» в чести.

Коридорный еще раз поморщился и прихватил из кухни разнос. Посмотрел на часы, убедился, что в его распоряжении еще целых семь минут, и вызвал лифт.

Сок с тостами... Зажрались. Хотя лишний доллар или купюра в пятьдесят рублей не помешает. Лучше, конечно, пятьдесят рублей. Это больше, чем доллар.

Если бы в подъезде его дома был такой лифт, он превратился бы в кабинку туалета общего пользования в считанные дни. Люди в стране живут такие, что по утрам запивают хрустящие тосты апельсиновым соком, морщась и скрипя пораженными кариесом и пародонтозом зубами, а в обед сливают продукт переработки этого, не приемлемого для русского организма завтрака на пол лифта. А вечером, заходя в номер, проводят пальцем по блестящей полировке мебели и очень сердятся, когда обнаруживают пыль. Серчают, что унитаз не сверкает, хотя уже спустя час, стоя над ним, попадают туда лишь с третьего раза. Страхивают на стену и, не вымыв руки, идут в спальную, чтобы переодеться к коктейлю.

Коридорный любил не всех господ. Некоторые даже не умеют толком подать чаевые. Либо развернут купюру, как в булочной, и протянут. Либо, наоборот, воровато оглянувшись – то ли от жены, то ли от копов, – свернут бумажку так, словно собираются засунуть ее под язык ли еще куда-нибудь, и втолкнув в руку. Не успеешь подхватить – на пол упадет. Есть те, что потупее. Они полагают, что коридорные приходят в восторг, когда им запикивают купюры за лацканы куртки, за отвороты ее рукавов, в карман.

Нормальный, уважающий себя господин всегда возьмет купюру, переломит ее пополам и протянет, держа не как отрез использованной туалетной бумаги, а с чувством выполненного долга. Для нормального человека дать коридорному на чай – это не проявление роскоши и не способ блеснуть чешуей перед спутницей, а такое же нормальное явление, как после туалета помыть руки. Даже если ты их и не обмочил случайно.

Лифт пискнул. Постоял, раздумывая, и бесшумно раздвинул створки. Определенно, положительный лифт.

Он постучал и прислушался к тишине. Как же постоялец зарабатывает на свой тысяче-долларовый костюм, если в половине девятого утра, в пятницу, спит, как пожарный? Люди, которые хотят иметь в кармане деньги, встают в пять утра. Бреются, умываются, чистят курточку, надевают плоскую шапочку без козырька и идут на заработки. А этот спит.

Он еще раз постучал и одному ему известным тембром в голосе, могущим разбудить не всех вокруг, а лишь того, к кому обращен призыв, сказал:

– Обслуживание в номерах!

Делать нечего, не возвращаться же с подносом на кухню. Коридорный – парень грамотный, работает не первый год, а потому знает, что, уйди он, и уже через десять минут администратору поступит звонок и грузный голос начнет орать, что он вчера делал в номер заказ, а до сих пор нет ни заказа, ни хотя бы вежливого в нем отказа. Предупредит, что в следующий раз он остановится не в «Потсдаме», а в какой-нибудь профсоюзной гостинице, где, по крайней

мере, не нужно ломать голову над тем, самому идти в столовую или ждать, пока пожрать тебе принесут.

Вынув из кармашка на груди врученный Майей ключ, коридорный вставил его в замок и провернул. Обычно в таких случаях разнос следует оставить на столике, не проходя в спальную, и уйти. Но он шел сюда не для того, чтобы принести пожрать толстяку в тысячедолларовом костюме. Коридорный исполнил заказ и теперь хочет получить за это небольшую порцию уважения.

А потому дверь он захлопнул громче, чем того требовало вороватое проникновение в номер, и кашлянул.

– Обслуживание в номерах, – сказал еще раз и пнул приоткрытую дверь ванной.

Дверь стукнулась о косяк, отскочила назад и снова, словно издеваясь, встала в исходное положение. Пинать ее второй раз было бы чересчур. Хотя и хотелось.

– Кофе остывает, – сказал коридорный тем негромким, но проникающим на уровень подсознания голосом, который с виду безразличен, а пробирает до самых костей.

Да что же это такое, в самом-то деле?! Это просто свинство и ни что иное!.. Туфли у порога, пиджак в шкафу, и не нужно пытаться убеждать его, коридорного, что этот толстяк нынче ночью, заказав предварительно английский завтрак, свалил из «Потсдама» в одних брюках и носках, чтобы за него не только не платить, но его и не есть.

Отбросив в сторону условности, оговоренные в функциональных обязанностях коридорного, расписанные до мелочей и вывешенные на стену администраторской, он подкинул на руках поднос и вошел в комнату. И остановился в сомнении, стоит ли идти дальше.

Рубашка толстяка, словно подстреленная на лету птица, валялась в углу спальни, распластав рукава-крылья. Галстук цвета гадюки, умершей от ядовитой крови укушенного ею человека, повис на спинке стула. Кейс в распахнутом виде покоился на полу, левый носок лежал под тяжелой портьерой, и свет, рвущийся из-под нее, окрашивал оба эти предмета в желто-серый цвет. Опытному коридорному ничего не стоит отличить правый носок от левого, если один из них находится на ноге клиента.

Так вот, правый носок был надет на ногу толстяка. И из одежды это было все, чем он мог прикрыть свою наготу. Нельзя сказать, что вся спальная была залита кровью, боже упаси. Невозможно даже утвердительно заметить, что она вся была ею забрызгана. Работал эстет. Перерезав жертве горло, он накрыл ее одеялом и откинул его лишь тогда, когда конвульсии прекратились.

Взгляд коридорного сейчас напоминал фокус старого фотоаппарата. Он четко видел лишь один предмет, а все остальное вокруг было мутным, словно лишенным резкости восприятия. И предметом этим была массивная золотая цепь на шее толстяка, завалившаяся в глубокую резаную рану. Коридорный видел в «Потсдаме» всякое, но такое яркое ощущение невероятности, как при виде этой цепи, он не испытывал ни разу. Стреляли, было дело, резали – не в диковинку, проститутток били и душили – не впервой, но чтобы вот так, заказав с вечера тосты и сок, и наутро с цепью в горле...

Коридорный сглотнул сухой комок и подошел к телефону. Поднял трубку и понял, что не может набрать номер. В полуметре от него покоилась голова с двумя мутными, словно загаженными канализационными сливами озерами, глазами и перепачканный засохшей кровью рот. Куда поставить поднос, будь он трижды проклят?

Освободив руки, коридорный потряс руками над телефоном с логотипом гостиницы, попытался подумать, не смог и снял трубку.

– Администратор, – таким же сочным и многообещающим голосом (за разумную плату, разумеется) произнесла трубка.

– Павел Маркович, – коридорный облизнул губы, – я в триста семнадцатом, – повертел головой и стер со лба невесть откуда взявшуюся испарину, – стою.

– Колмацкий, ты, что ли? – недоверчиво, сменив многообещание на разочарование, уточнил Павел Маркович Яреско. – А зачем ты там стоишь?

– Тут клиент.

– Я знаю, Колмацкий, – ответил ему администратор. – Там клиент, причем серьезный. В связи с этим я не понимаю, зачем ты там стоишь.

Филипп, или Филя, как звал его весь персонал «Потсдама», перевел взгляд с тумбочки на цепь и почувствовал раздражение.

– Мне даже как-то неудобно говорить об этом, Павел Маркович, но я стою над мертвым клиентом.

Администратор струхнул – Колмацкий чувствовал это по едва уловимому гудению проводов – велел оставаться на месте, отдал странное распоряжение «не топтать» и ждать. Выслушав этот мистический бред, коридорный уселся на тумбочку и, изредка стреляя взглядом в сторону жуткого профиля, поднял с разноса блестящую крышку. Сначала выпил, конечно, кофе. А потом, уже не отдавая отчета своим действиям и не сводя глаз с лица трупа, стал хрустеть тостами и прихлебывать из высокого стакана сок. Покойник оказался весьма предусмотрительным человеком и позаботился об аппетите и наличии еды у коридорного заранее. Колмацкий ел, дико вращал красными белками и чуть сожалел о том, что толстяк не заказал на утро стакан водки и соленый огурец.

Администратор пришел не один. Он пришел с начальником службы безопасности, двумя ее сотрудниками и двумя горничными. Зачем здесь горничные, Колмацкий не понял, но присутствие в номере сотрудников СБ оправдал сразу. Те поставили его лицом к стене, зачем-то обыскали, надели наручники, после чего уложили на пол лицом вниз. Над его головой раздавались телефонные переговоры с полицией, всхлипы горничных и кряхтение администратора. Из последнего Колмацкий понял, что толстяк обещал ему что-то, но слово не сдержал. И у Колмацкого, тяжело дышащего на паркете, складывалось впечатление, что виновником этого является именно он.

До приезда МУРа ничего существенного не произошло. Лишь Колмацкого подволокли ближе к стене, вывели одну из горничных, причем ноги ее заплетались, как при сиртаки, да с тумбочки рухнул разнос. Сразу после этого вывели вторую горничную – ее состояние ничем не отличалось от состояния только что покинувшей номер коллеги.

Приехала полиция, перед глазами Колмацкого замелькали ноги, и разнотонные голоса над ним, кажущиеся голосами с небес, стали задавать вопросы, которые часто слышатся при просмотре полицейских боевиков.

Вскоре Колмацкого взяли за руки и поставили на ноги. Павел Маркович тут же указал на него пальцем и сказал: «Это он». И после этого у Колмацкого даже тени сомнений не осталось, что в моменты кризиса, совпадающие с суточными дежурствами, он ходит по «Потсдаму» и режет клиентов.

Потом его увели в подсобное помещение, где заперли, и через дверь он слышал, как оперативники нервничают. Причина была понятна: следователь Следственного комитета запаздывал.

Но через два часа все успокоились.

Следователем оказался крепкий молодой человек лет двадцати шести – двадцати восьми, атлетического телосложения, приятно пахнувший свежим одеколоном, к которому все присутствующие не сразу, а постепенно стали обращаться «Антон Алексеевич» и объяснять ситуацию в том виде, в котором коридорный докладывал ее администратору по телефону. Лица из числа персонала приглушили звуки голосов, стали расступаться перед ним, как волны перед волно-резом, и опять-таки нехотя сводить дело к тому, что труп обнаружил все-таки Колмацкий, а не кто-либо другой.

Приколов – так представился следователь – в первые две минуты нахождения в номере успел сделать три вещи: уточнил, кто из числа персонала есть кто, удалил прочь всех, кого привел администратор Яресько, и велел снять наручники с Колмацкого.

Коридорный сидел на стуле и удивлялся тому, как медик работает с трупом. В прошлом году его двоюродная сестра принесла первенца, и она точно так же вертела малыша, надевая на него ползунки и пеленки, как сейчас медик вертел огромное тело, лежащее на кровати. На бочок, посмотрели спинку... На другой бочок... Опять посмотрел. Выложил на животик...

Когда из уст и резаной раны на шее трупа раздался свист, похожий на усталый выдох, Яресько побледнел, а коридорный обеими руками схватился за сиденье стула. Казалось – еще мгновение, «резаный» проснется, встанет и, придерживая голову, чтобы она, полуотрезанная, на запрокинулась назад, прошипит: «Какого черта?»

– Спокойно, – равнодушно предупредил медик, обнаружив на лицах не привыкших к подобным сюрпризам Яресько и Колмацкого белизну. – Это выходят скопившиеся в легких газы.

Вот так. Всё просто и объяснимо. Труп задышал, потому что газы. Хорошо быть судебным медиком – в любой ситуации штаны всегда остаются чистыми и сухими.

– Вы можете что-нибудь сказать о причинах смерти? – вдруг спросил Яресько, чем мгновенно приковал к себе внимание всех присутствующих.

Нет! Он, наверное, интересовался не этим! Администратор в силу своих должностных полномочий хотел знать, как такое могло случиться. Как удалось человеку, не замеченному ранее в дурных компаниях и вряд ли пившему горькую с уличными отморозками, наутро окататься в постели с перерезанным горлом. Яресько радел за авторитет гостиницы и должен знать, как такое могло произойти, дабы исключить повторение этого страшного урока. Но Яресько впервые участвовал при подобных событиях, и он смотрел фильмы. А потому ничего более неуместного в этот момент он выдать из себя не смог.

Через мгновение все оправились и снова занялись своими делами, но медику не замечать Яресько показалось недостаточным, а потому он, даже не посмотрев в сторону управляющего, ответил сухо:

– Его отравили, разве вы не видите? Сейчас девять часов утра, – добавил он, перестав обращать внимание на Яресько и глядя на запястье своей руки. Его окровавленные, скользкие и липкие на вид пальцы, обтянутые резиной медицинской перчатки, неприятно блестели. Врач быстро произвел в голове какие-то вычисления. – Он мертв около восьми-девяти часов. Получается, смерть наступила в период с полуночи до часу ночи. Более точно смогу дать ответ после вскрытия. Есть много факторов, предполагающих ошибку. Огромный вес, закрытые форточки, способ причинения смерти... Нет, ответ смогу дать никак не ранее сегодняшнего вечера.

Вернув тело в исходное положение, добавил:

– А цепь хорошая. Такое плетение впервые в жизни вижу. А ведь посмотри – никому не нужна оказалась.

Колмацкий сидел, крутил головой и всякий раз, когда администратор начинал напоминать следователю, что труп обнаружен коридорным, замечал, что следователя это раздражает все больше и больше. В конце концов этого Приколова Яресько достал, и следователь спросил:

– В котором часу вы прибыли на работу?

– Я? – растерялся Яресько. – Я, простите, и не уходил. Я в гостинице со вчерашнего вечера. Меня просто никто не видел. Я лег спать в одиннадцать вечера.

– Присмотрите за ним, – велел старшему из муровцев Приколов, и коридорный отметил, что после этого Яресько оказать помощь следствию уже не пытался.

Между тем время шло, следователь за два часа исписал около пятнадцати листов каких-то протоколов, опросил с десятков лиц, хорошо знакомых Колмацкому, и где-то в районе обеда по гостиничному расписанию Антон Алексеевич – так звали следователя – добрался и до

Яреско с коридорным. Но начал все-таки с администратора, чтобы закончить Колмацким. Настойчивость Яреско, по всей видимости, свои плоды все-таки принесла.

Из протокола допроса Яреско:

По существу заданных мне вопросов могу пояснить следующее. Я являюсь администратором гостиницы «Потсдам» на Шаболовке с ноября 2007 года.

Вечером 23 сентября 2013 г., точное время указано в книге регистрации гостей – 20.30, в «Потсдам» прибыл гражданин в сопровождении одного мужчины. Он снял 317-й номер, что расположен на третьем этаже, сказал сопровождавшему его мужчине: «Я завтра приеду сам за полчаса до начала встречи» и поднялся наверх. Снявшего 317-й номер гражданина я больше не видел до тех пор, пока коридорный Колмацкий Ф. О. не сообщил мне в 8.30 24.09.13 г., т. е. на следующее утро, что тот мертв. Колмацкий позвонил мне по телефону и сказал: «Я стою над мертвым клиентом». После этого я немедленно вызвал начальника службы безопасности и, дождавшись его, немедленно поднялся в номер. Там я увидел, что на кровати в крови лежит вчерашний гость, а на тумбочке рядом с ним сидит Колмацкий. В тот момент, когда мы вошли, он ел принесенные гостю тосты и запивал их соком.

Я отдал начальнику СБ распоряжение Колмацкого задержать и вызвал по телефону полицию. Более ничего пояснить не могу.

Вопрос: Вы знали ранее гражданина, который 24 сентября был обнаружен вами мертвым в номере?

Ответ: Никогда (скрип стула).

Вопрос: Вам известно его социальное положение?

Ответ: Нет (скрип стула). Конечно, нет.

Вопрос: Когда коридорный Колмацкий прибыл на работу?

Ответ: 24 сентября 2013 года в семь часов утра. В дополнение хочу сообщить, что коридорный Колмацкий давно вызывал у меня подозрения как человек необщительный, склонный к интригам. Я подозреваю, что он даже берет взятки в виде чаевых от клиентов.

Вопрос: А вы когда прибыли?

Ответ: Как и положено, в семь часов ровно...

Колмацкий, когда сотрудник МУРа ввел его в номер с уже пустующей кроватью, выглядел оправданно растерянным. За то время, что он провел в подсобке и в номере, он успел обдумать свое положение и резонно предположить, что после слов медика в убийстве его вряд ли обвинят, но вот в соучастии или, чего доброго, в подготовке преступления – могут. Очень даже могут, потому что вчера, 23 сентября, часов в десять вечера ему позвонила из «Потсдама» горничная Майя и сообщила, что в гостинице такая скука, что хоть ложись и помирай. Колмацкий понял горничную правильно и уже в одиннадцать был на службе.

До половины второго в пустующем «люксе» они занимались тем, что называется дружеским сексом. Никаких обязательств, долговых расписок и устных обещаний. Просто секс, сигарета, пара анекдотов из жизни гостиницы, глоток водки, душ, снова секс, на этот раз чуть более острый и тщательный, короткая передышка, еще раз душ – и Филя уехал домой, прыгнув из окна второго этажа, створку которого держала Майя. Контакты между персоналом гостиницы администрацией не поощрялись. Тем более настолько тесные.

Но вот стоит ли говорить об этом следователю? Пораскинув мозгами, Колмацкий решил этого не делать. Следственный комитет ныне олигархов как редис сажать не стесняется, чего говорить о коридорном, который, как оказывается, ночью трахался с девкой из горничных, которая должна была тащить в этот номер поднос, но вдруг отказалась, и потащил он, коридорный? Сразу установится преступный сговор, появятся блестяще найденные следствием дока-

зательства того, что горничная с коридорным в момент соития решили богатого мужика прирезать, чтобы деньги выкрасть, а после службы прогулять. В «Потсдаме» за время работы Колмацкого произошли еще три убийства, и, судя по настрою Следственного комитета не оставлять ни одного тяжкого преступления нераскрытым, их придется брать на себя вместе с этим толстяком. У Колмацкого были знакомые, по большей части из числа тех, что заезжали в зону не раз, и все они в один голос твердили о том, что добывать показания правоохранительные органы умеют, когда хотят.

– Ну-с, – бросил между тем следователь, зачем-то откладывая в сторону готовый к заполнению протокол допроса, – где вы перешли Ярьеско дорогу, господин Колмацкий?

Филя подобного начала не ожидал. Как раз в тот момент, когда следователь открыл рот, он готовился давать ответ на вопрос: «Вы не хотите облегчить свою душу?» А тут – нате. Где перешел... На Майке и перешел. Так и говорить, что ли? Правду, что ли?

– С чего бы администратору гостиницы показывать пальцем на какого-то коридорного, вместо того чтобы сохранять реноме гостиницы и утверждать, что персонал, естественно, не при делах? – спросил, развалившись в кресле, следователь.

«Хороший вопрос, – подумал Колмацкий. – В смысле, плохой. Не отвертись».

– Есть у нас горничная, зовут Майей, – мысленно перекрестившись, начал коридорный. – Симпатичная девушка, в позапрошлом году стала «Мисс Тверь», но улетать с родины для продолжения карьеры не захотела, и на этом карьере ее топ-модельная закончилась. Рост у нее – сто семьдесят три. Узка в бедрах, точна в движениях, мила лицом.

– Это не ее вели по коридору, когда я сюда поднимался?

Коридорный сказал, что уводили двоих, а потому вопрос для него сложен.

– Правильный овал лица, – настоял Приколов.

– У них у обеих правильный. С неправильными, простите, сюда не берут.

– Вот здесь родинка, – следователь отвернул воротник рубашки и показал почти на груди точку.

– Нет, не она, – решительно замотал головой Колмацкий. – Наверное, вы Вику видели.

Следователь успокоился и вновь стал весь внимание. Похоже, он любил рассказы такого рода.

Поняв это, Колмацкий продолжил повествование и в три последующие минуты поведал о том, как в прошлом году Павел Маркович подкараулил Майю в одном из номеров, когда та чистила в нем ванну, прикрыл за собой дверь, и только поставленный на конкурсе глубокий голос «Мисс Тверь-2012» не позволил администратору стянуть с нее трусики ниже колен.

Конечно, сказал увлеченный своим рассказом Колмацкий, это делается не так. И такой мужчина, как администратор, мог запросто сводить Майю в ресторан после его закрытия, попросить халдеев принести и поставить на стол бутылку сангрии, креветок, и не нужно было после этого проникать в ванную, как разбойнику. Если бы так поступили, к примеру, с ним, коридорным, то он тоже, скорее всего, закричал бы.

И потом, вместо того, чтобы загладить свою вину все той же сангрией и по-мужски своего таки добиться, Павел Маркович стал необоснованно придирается к Майе по поводу плохо протертой пыли на комодах в номерах, не до блеска вычищенных унитазов и пресекать все контакты девушки с лицами мужского пола. Последнее удавалось ему особенно плохо, ибо Майя всегда задерживалась в номерах знатных господ подолгу и почасту, и вовсе не для того, чтобы почистить на клиенте пиджак. Факт этого Ярьеско бесил. Сама мысль о том, что кому-то она дает и, наверное, еще и кричит при этом, но не такой дурниной, как при нем, приводила администратора в исступление. А в феврале месяце сего года, когда у него, Колмацкого, был день рождения, находящаяся с ним в хороших отношениях Майя подарила коридорному торт и мягкую игрушку, зайца. Ставший свидетелем этого безобразия Ярьеско почему-то решил, что между двумя вариантами мисс выбрала не его, а коридорного, и после этого от Майи адми-

нистратор фактически отвязался, перенаправив свою ревность в сторону Колмацкого. Отношения с того памятного дня пошли вкось, Ярьсько, черствая душа, стал придирается уже к нему и в разговоре всякий раз старался подколоть.

А потому нечего удивляться тому, что, когда в номере зарезали клиента, тот сразу указал на Колмацкого. А Колмацкий, между прочим, когда обнаружил труп, сам сообщил об этом администратору. А мог вообще никому не сообщать. Унести поднос обратно и сказать, что номер заперт.

Всё.

– А я всегда думал, что гостиница – это место отбывания наказания представителей различных профессий, объединенных в одну команду под названием «персонал», – сказал Антон. – А тут видишь, зайцы... Филипп Олегович, скажите честно – а вы *там* тоже бывали?

Колмацкий яростно завертел головой, и Приколову в какое-то мгновение показалось, что та сейчас открутится и упадет на паркет. По его глубокому убеждению так не по-хозяйски относятся к важному органу только те, кто пытается отрицать очевидное.

– А ведь лукавите, Филипп Олегович, – вкрадчиво улыбнулся следователь и постучал по бланку протокола допроса согнутым пальцем. По тому месту, которое ранее обозначил для коридорного, как уголовная ответственность за дачу ложных показаний. – Ой, лукавите! То, что на груди Майи под наглухо и под горло запахнутым форменным платьем горничной нет родинки, вы знаете, а факт того, что она это платье перед вами расстегивала почти до пояса, отрицаете. У вас что, раздевалка совмещенная?

«Вот так и попадают в казематы, – с огорчением подумал Колмацкий. – И ведь что самое обидное, сам все рассказал. Пустили его по рельсам, он и прикатил».

Теперь даже не стоит внезапно вспоминать, как на пляж вместе с Майей ходили или она над его столом склонялась. Ушлый «важняк» из Следственного комитета показал на такое место на груди, что без снятого купальника отсутствие родинки и не различишь.

– Ну... Было пару раз, засаживал, – раскололся Колмацкий. – А кто ей, спрашивается, тут не засаживал? Один Ярьсько, дай бог ему здоровья!

Антон кивнул и подтянул к себе протокол. Колмацкий думал, что на этом месте следователь самоудовлетворение завершил, но последний вопрос застал его просто врасплох.

– И когда во второй раз?

– Что?

– Последний раз из пары, спрашиваю, когда был?

Коридорный опешил. Усаживаясь на этот стул, он не предполагал, что беседа польется в таком русле.

– Определенно не помню...

– Бросьте, – возразил тот, кого муровцы звали Антоном Алексеевичем. – Сто семьдесят три сантиметра, узка в бедрах, зелена во взгляде, зайчиков дарит. У меня тоже была такая, Колмацкий. Правда, зверей не вручала, все больше билеты в Большой. И я точно могу сказать, что последний раз секс у меня с ней был двадцать восьмого июля две тысячи тринадцатого года. В гримерке одного народного артиста, позволившего мне немного развеять тоску, пока он исполнял партию Ленского. Бросьте, Колмацкий, такие не забываются.

– Неделю назад, в четыреста втором номере «люкс». Два раза подряд без остановки.

– Вот это по-мужски. Я о желании сотрудничать. Вас сейчас отвезут в Следственный комитет, у меня еще несколько вопросов, задать которые я планирую лишь у себя в кабинете. А напоследок банальный вопрос из арсенала следователя-формалиста. Как вы распорядились своим временем в период с двадцати двух часов вчерашнего дня и до трех часов ночи сегодняшнего?

И Колмацкий признался, что ночь он провел дома, в однокомнатной квартире в Южном округе столицы. И ему очень жаль, что подтвердить это никто не может. Пришел он около

десяти, когда соседи с улицы уже вернулись, а ушел в шесть, когда те из квартир еще не вышли. Но ведь это не доказательство того, что дома он не ночевал?

– Конечно, нет, – согласился Приколов. Коридорный ведь расписался в том, что предупрежден об уголовной ответственности за дачу ложных показаний. А за это, простите, до двух лет лишения свободы. Вот так, в совершенно раскованной обстановке беседы со следователем ляпнешь чего не подумав – и бирка на фуфайку на два года. Колмацкого муровец по фамилии Тощий увел, второй сыщик по фамилии Дергачев привел горничную. Та еще не совсем оправилась от первого посещения триста семнадцатого номера и выглядела бледно.

– Здравствуйте, Майя, – приветствовал ее следователь, вынимая из кармана упаковку жвачек и отправляя одну из них в рот. – Как вы себя чувствуете?

Вопрос был излишним, так как было совершенно очевидно, что ощущает она себя не очень. Тем не менее на стул девушка села и желание давать необходимые показания выразила.

– У меня такое впечатление, Майя, что вы хронически не высыпаетесь.

Она подняла на следователя свободный взгляд и по его глазам попыталась выяснить подоплеку такого странного начала допроса. По ее мнению человек из Следственного комитета должен был уточнить место ее работы, она саркастически покривить губы – мол, не самый умный вопрос, даже в условиях служебной необходимости – и начать говорить о том, что убитого гражданина она никогда ранее не видела. И так далее – в духе незабвенных кинофильмов о буднях советских и российских правоохранительных органов. Вопрос – ответ, вопрос – ответ. «Я вас вызову, если понадобится. – Конечно, я никуда уезжать не собираюсь».

В реальности выходило не так. Симпатичный молодой человек мгновенно определил, что она сегодня не спала. Не плакала, не страдала от увиденного, а именно не выспалась.

– Я не по глазам это понял, – предугадывая поток ее мыслей, объяснил Приколов. – У вас припудренные мешки под глазами. Мешки доброй юности, когда они являются еще не мешками, а едва заметной невооруженным взглядом припухлостью. Лицо у вас чистое, и только под глазами тончайший, чуть придавленный подушечкой слой пудры. Значит, скрывали ночную усталость. Нужно себя беречь. Филипп, он мужчина, ему проще. У него после бессонных ночей мешки начнут появляться позже, после тридцати пяти, женский организм тоньше, его нужно опекать.

Она вспыхнула и тут же попросила объяснений по поводу Колмацкого. При чем здесь Колмацкий? Что говорил Колмацкий? Зачем, вообще, она здесь? Если из-за того, что попросила коридорного отнести в этот номер поднос, так это из-за занятости, а не по другой причине.

И Приколов объяснил ей, тактично пережевывая жвачку, что Колмацкий здесь совершенно ни при чем, как и она. И все, что здесь сейчас происходит, это дружеская беседа под роспись в протоколе допроса свидетеля. И, кстати, напрасно она так самозабвенно выгораживает Колмацкого. Он, к примеру, в отношении нее этим не занимался. Не выгораживал. И если Приколов знает теперь о наушниках в ванной, так это благодаря исключительно откровениям Колма...

– Негодяй, – она вспыхнула, тут же погаснув. – А я ему торт...

– И зайца, – напомнил Приколов.

Теперь решай, кто из них больший подлец – Ярьсько или Филя! Или остальные, с кем приходилось сталкиваться. Один кроме кроличьей любви на большее не способен, второй – как Маугли. Поимеет и – через окно, по деревьям. Остальные – за пятьдесят баксов. Надень эту офицерскую форму... ударь меня по спине бархоткой... поговори со мной на английском языке... неважно, что не знаешь, просто поговори по-английски...

А этому она – зайца. И что он с ним сделал? Сожрал, наверное, тварь.

– Он не рассказывал вам, как по стенам лазает?

– Нет, – удивился Приколов. – А, позвольте спросить, зачем он это делает?

– Как это зачем? Колмацкий – самец. Чтобы достать ночью женщину (в этот момент она покраснела, потому что по логике вещей она должна была произнести – «самку»), он приезжает к ней ночью, неправильно истолковав дружеский звонок, пробирается через окно на стене, склоняет к разговору, а потом снова уходит по стене.

– На самом деле? – следователь рассмеялся. – И в котором часу он акробатировал?

– В одиннадцать приехал, – сказала Майя, – и в половине второго ночи уехал. – А то, как она поняла, тут только одну шлюху видят! Все правильно: один озабоченный в ванной нападает, второй через окно, остальные слюни вытирают, когда она по коридору идет! А с кем она в номерах, так это не их животное дело! И ничего постыдного в ее поведении нет, потому как в помойной яме все пахнут дерьмом! Она не замужем, проституцией не занимается, имеет трудовую книжку и постоянную регистрацию в Москве!!! И это ее дело, кому давать, а кому не давать!..

В номер заглянул Тоцкий, чтобы убедиться в том, что горничную не режут.

– Ну-ну-ну... – пробормотал Приколов. – Полноте. А то у меня сейчас магнитофонная лента расплавится.

– У вас включен магнитофон?!

– А вы за что в протоколе только что расписывались?

Он посмотрел на часы. Короткий тайм-аут был необходим, время на пребывание в номере еще было, и он собрал сыщиков на перекур.

А в окна барабанил, стремясь вмешаться в расследование, сентябрьский дождь. Он швырял в стекла пригоршни воды, склонял к земле деревья и обещал, что это последний раз, когда он смирился с пребыванием на своей территории бабьего лета.

Мобильный телефон убитого, найденный в кармане его пиджака, мог ускорить процесс понимания ситуации. Таким людям, как покойный Резун, звонят каждые пять минут. Но телефон был отключен, стрелки на настенных часах показывали начало второго дня, и до сих пор еще никто не спохватился, что губернатор Мирнской области не вышел на связь.

Приколов уже дважды запрашивал Мирнск. «Скажите, – спрашивал он в первый раз у секретаря по телефону, – где можно найти Константина Игоревича?»

«Он улетел в Москву, – отвечала секретарь, – и будет только послезавтра».

Ярьеско дал показания: Резун прибыл не один, с ним был мужчина, и этому мужчине Константин Игоревич сказал, что прибудет сам за полчаса до встречи. Что это за встреча? Если в Администрации, то Приколов об этом давно бы уже знал. Если в Совете Федерации – тоже. Да и секретарь Резуна бы знала, а не говорила глупости о незапланированных поездках шефа.

Словом, дело губернатора Мирнской области в Москве – тайна, покрытая мраком. Мужчина, прибывший с Резуном в отель, знал, что тот приедет на встречу сам. Но до сих пор не взволновался и не вернулся в гостиницу, чтобы узнать, почему Резун на ту встречу не прибыл. Значит, либо час встречи еще не настал, либо теперь кому-то очень невыгодно, чтобы информация о близости с Резуном, ныне покойным, просочилась наружу. И это правильно, что губернатор такие встречи не планирует заранее. Видимо, знать о них должен лишь узкий круг лиц.

– Пройдемся, – сказал Приколов, вставая с насиженного места. – Знаете, что такое следственный эксперимент?

«Это он так шутит», – подумали Тоцкий с Дергачевым, опера с десятилетним стажем. Знают ли они, что такое следственный эксперимент...

Они подошли втроем к двери триста второго номера, и Приколов сказал Дергачеву:

– Сейчас бежишь в триста семнадцатый, находишься там ровно пять минут, потом также бегом возвращаешься к нам. Время пошло...

«Вот так всегда! – думал сыщик, тяжелой поступью осенних ботинок барабана по ковровому настилу коридора. – Когда нужен подопытный зверек, старший оперуполномоченный МУРа Дергачев всегда к услугам Следственного комитета». Пробыв в номере пять минут –

время засекал не по наручным часам, а по настенным, – он выскочил, прикрыл за собой дверь и финишным спуртом достиг двери триста второго номера.

Пять минут и двадцать одна секунда. Подумав, Приколов толкнул дверь, и она открылась. Они вошли в чистый и прохладный триста второй, оборудованный, как и триста семнадцатый, кондиционером, и следователь, облегченно вздохнув, приказал:

– Раздевайся и ложись в постель.

– Грехи мои неискупаемые... – прокряхтел Дергачев, оскорбленный тем, что его заставляют выполнять экспериментальный труд без всяких разъяснений.

– Я проверяю одну навязчивую мысль, – сказал Приколов, с обидой догадываясь, что его не понимают. – Майя Кормухина под влиянием не зависящих от нее факторов дала показания о том, что в ночь убийства Резуна к ней прибыл Колмацкий. Дело было в одиннадцать часов. Они занимались любовью несколько раз и всякий раз по очереди удалялись в душ. Кормухина уверяет, что и он и она под душем пробыли по десять минут. И сейчас я пытаюсь выяснить, можно ли успеть за то время, пока партнер отмывает в ванной свое грешное тело, успеть прикончить Резуна и вернуться как ни в чем не бывало в постель.

Приколов проверял обоих. Было достаточно причин, чтобы производить проверку как в отношении Колмацкого, так и в отношении Кормухиной. Почему женщина? Потому что Приколов не знал, что существуют мужики, которые перед тем, как лечь спать в гостиницах, раздеваются без причин догола и, во-вторых, трусы снимают вперед носков. А горло... Горло перерезать могла и Майя. Тельце у нее тренированное, ручки крепкие, ножки стройные и сильные.

Одеться, добежать, «перерезать», вернуться, раздеться и лечь Дергачев успел ровно за десять минут.

Не факт. В ожидании очередного контакта с желаемым телом время под душем могло течь медленно. В этих же самых условиях из-за сожаления о том, что сделать нужно много, а ночь коротка, оно могло лететь стрелой. Дело не в часах, а в голове.

Но все это не имеет никакого смысла и значения, если Кормухина и Колмацкий были заодно.

И дважды лишено смысла, если они действительно просто любили друг друга и принимали после этого душ.

Он поднял руку и осмотрел на часы.

– Пять часов двадцать пять минут.

Оперативники встревожились и проверили свои часы.

– Неверно, – робко возразил Дергачев. – Два часа двадцать пять минут. Стоят, наверное?

– Пять часов двадцать пять минут, – упрямо повторил Приколов, выходя из номера, – мы находились в гостинице. Все, что нами сделано, это подробный документальный отчет о проделанной работе, присутствующий в полном объеме в папке каждого нераскрытого преступления. Говорят, отрицательный результат – это тоже результат. А я вам так скажу, уважаемые коллеги. Отрицательный результат – это не достижение. Это просто отрицательный результат.

Глава 2

Из рапорта начальника УФСБ по Южному федеральному округу РФ директору ФСБ России:

«Секретно. Экземпляр единственный.

Докладываю, что в ходе реализации оперативной информации сотрудниками УФСБ по ЮФО проведен ряд оперативно-розыскных мероприятий в г. Грозном, в ходе которых задержан и отработан на причастность к неочевидным преступлениям ряд лиц, подозреваемых в сотрудничестве с руководителями международных террористических групп, ориентированных на преступную деятельность на территории Российской Федерации.

В ходе разработки фигуранта S-24, имеющегося в Вашей картотеке, возникли основания полагать о наличии причинно-следственной связи между активизацией групп, ориентированных на проведение терактов на территории ЮФО, и участвовавшими случаями захвата исполнительной власти в ряде субъектов РФ.

При проведении комплексного допроса S-24 стал давать показания относительно того, что международные террористические организации, финансирующие деятельность банд боевиков на территории Республики Чечня, избрали новое направление своей деятельности, представляющее реальную угрозу безопасности государственной власти России.

Из числа наиболее склонных к организаторской деятельности и имеющих авторитет на клановом уровне лиц кавказских народностей избираются руководители этнических организованных преступных сообществ, которые на протяжении двух последних лет осуществляли проникновение во властные структуры ряда субъектов РФ. Имея прочную финансовую связь с местными преступными группировками и мощную финансовую поддержку из-за рубежа, лидеры этих сообществ ориентированы на переподчинение государственных интересов политических кругов России интересам международных террористических организаций.

Используя получаемые средства, МТО (международные террористические организации) действуют в рамках существующих на территории России преступных правил. Будучи информированными о неприязни русскоязычного населения к преступным группировкам этнического типа, руководители МТО руководствуются принципами мотивации русских традиций. К наиболее распространенным явлениям такого рода является «коронование» вышеуказанных лиц для придания им статуса «воров в законе».

Как пояснил S-24, по имеющейся у руководителей МТО информации традиционные принципы такого статуса в России уже утрачены, однако среди населения и руководителей предприятий, а также некоторых политических деятелей бытует мнение о том, что лица, наделенные статусом «вора в законе», являются лицами выше правил, борьба с которыми правоохранными органами если и ведется, то недостаточно слаженно. Ориентация МТО на наделение избранных ими лиц «воровскими званиями», по мнению S-24, является более качественной, нежели организация крупномасштабных террористических актов.

Избранные лица «коронуются» вопреки правилам не за заслуги перед преступным миром, а за средства, выделяемые из-за рубежа. Внося порядка \$ 100 000–200 000, МТО внедряет в ряды уважаемых в преступных кругах лиц своих людей, которые организуют дисбаланс в воровских традициях ОПС России и перенаправляют их деятельность в интересах МТО.

Лица, выдвигаемые на исполнение такого рода функций, избираются из числа бывших партийных работников СССР, о деятельности которых утрачена информация, и из уважаемых на Кавказе исламских религиозных деятелей ваххабитского толка.

В связи с перспективой появления реальной угрозы безопасности государственной власти и проверкой данной информации полагал бы следующее:

1. Ориентировать работу внедренных в преступную среду лиц на выявление «пиковых воров» и выяснение организационно-штатной структуры их ОПС.

2. Посредством деятельности внедренных лиц организовать столкновение интересов «воров в законе» с интересами «пиковых воров» на уровне стремления проникнуть в структуры государственной власти. Необходимы следующие действия: дискредитация выдвигающих свои кандидатуры лиц с сомнительным прошлым, не поддающимся быстрой проверке, организация пересечения интересов при перераспределении зон преступного влияния, сброс достоверной информации в не владеющие данной оперативной обстановкой структуры избирательных комиссий и подразделений полиции».

Убийство в московской гостинице главы администрации Мирнской области произвело на белый свет не столько шокирующее, сколько удручающее впечатление. Очередное убийство. Удивляться, как не страшно это осознавать даже сидя в своей квартире, нечему, и все, что оставалось горожанам, это довольствоваться своим социальным положением. Не богат – значит, не посадят. Не пытаешься стать еще богаче – значит, не убьют.

Так за что убили губернатора?

По всей видимости, исходя из конкретной мизансцены в «Потсдаме», у него отнимали носки, и, уже лишившись всего, и оставшись в чем мать родила, за свой левый он сражался до конца. Нечего и удивляться тому, что он наступил очень скоро.

– Я разве говорил, что знаю мертвого господина? – прохрустел голосовыми связками Ярьеско, и следователь потянулся рукой к кнопке воспроизведения ленты на компактном «Сони». – Господин Приколов, я никогда не лгу. И только поэтому я имею авторитет человека, которому можно доверить хозяйство целого отеля...

«... Вы знали ранее гражданина, который 24 сентября был обнаружен вами мертвым в номере?»

– Никогда (скрип стула).

– Вам известно его социальное положение?

– Нет (скрип стула). Конечно, нет...»

– Правильно, – подтвердил Павел Маркович. – Это я говорил.

«... А вы когда прибыли?»

– Как и положено, в семь часов ровно...»

Ярьеско развел руками, не понимая, что ему хотят продемонстрировать. Приколов произвел с техникой какие-то действия, и она начала выдавать прямо противоположную последнему заявлению администратора информацию.

«... – В каком часу вы прибыли на работу?»

– Я? Я, простите, и не уходил. Я в гостинице со вчерашнего вечера. Меня просто никто не видел. Я лег спать в одиннадцать вечера...»

По лицу Павла Марковича пробежала тень, смахнула цвет здоровой кожи, и на свободное место тотчас заползла мертвенная бледность.

– Позвольте... – Ярьеско стал хватать ртом воздух, как только что насаженный на кулан окунь. – Это когда вы писали? Это вы писали до того, как предупредили, что будет вестись запись!.. Это незаконно!..

Но он замолк, снова ожидая провокаций, потому что пленка опять перемоталась и из динамиков в уши администратора полился знакомый до боли голос.

«... – А всерьез он только горничных лапает. Подкараулит, когда та в номере пылесосит или пыль протирает, заходит и начинает: «Ну, как вам, новенькой, у нас?» Та ему, мол, ничего, привыкаю, нравится. А он ей лапку – раз! – под юбчонку. «Нужно, – говорит, – молодые таланты наверх поднимать. Как вы смотрите, девушка, на должность старшей горничной?» Та ему отвечает, что старшей горничной, оно, конечно, неплохо было бы, но поскольку

она сию минуту собирается грязной тряпкой вмазать по роже работодателю, то эта мечта просто-таки рассыпается в прах. Тот ручку – раз! – обратно и уходит из номера. Я сам из шкафа это видел, ей-богу! Зашел поговорить, а тут он нагрязнул... Если мне память не изменяет, то ему еще ни одна не дала. А Майка рассказывала, как пошла однажды в триста первый ванную мыть. Там какой-то урюк облевался, так она наушники плеера в уши вставила, респиратор надела и пошла. А тут чувствует, как у нее трусики до колен упали так, словно резинка лопнула...»

– Перекрутил немного, – поморщился Антон, возвращая пленку к тому месту, где Колмацкий свидетельствует о том, как Яресько сообщает о серьезности клиента. – Извините.

В организме администратора происходили странные преобразования. Он теребил воротник сорочки, ослабляя петлю на галстуке, которого у него на шее не было, потому что отобрали в дежурной части. Павел Маркович багровел, бледнел, и по всему было видно, что Колмацкий прав. Перевести из горничных в старшие горничные описанным выше способом Яресько никого не удалось ни разу.

– Это клевета... Он ответит за это. Маньяк... Нашел объект для своей больной фантазии, сволочь...

– Ну, это суду решать, – мудро заметил Приколов.

– Суду?... – Приколов слова не слышал, он догадался о нем по движению администраторских губ.

Конечно. Какая у администратора короткая память! Ведь следователь подробно разъяснял ему его права и обязанности, указывал на официальные бумаги и говорил об уголовной ответственности...

– Вы должны меня понять. Я отец двоих детей, младшему из которых пятнадцать лет. Из-за клеветы какого-то маньяка разрушится семья, чей очаг был согрет любовью и доверием...

– Так я насчет Резуна, – напомнил Приколов.

И речь полилась, как река в половодье. Торосы предложений разбивались, дробились в сало, растворялись в воспоминаниях администратора, как алюминий в серной кислоте. И к пятнадцатой минуте разговора перед Антоном Копаевым вырисовалась незатейливая и весьма смахивающая на правду картина.

Где-то по истечении двадцати минут монолога Яресько в кабинет заглянул Тоцкий. На лице его значилось: «В данный момент Армагеддон не намечается, но было бы неплохо, если вы это выслушаете прямо сейчас».

Антон был несказанно рад. Поскольку Яресько, увлекшись, начал рассказ уже по второму кругу, предполагая, что чем больше он наговорит, тем проще будет договориться со следователем, наступал момент, когда его следовало притормозить и попросить стереть с уголков рта накопившие слюни.

Он окажется здесь вторично через несколько часов. Это самый простой способ перепроверить то, что сейчас он, увлекшись, наболтал. И попросить начать сначала. Хоть сейчас-то он не сомневается в том, что его пишут?

– Так я насчет записи... – мучаясь от полной зависимости, напомнил Яресько.

И его, взволнованного, увели. А сыщик, покосившись на портрет Президента, присел на соседний стул.

Опер потратил время не зря. Задачу первую, наиболее доступную для быстрого исполнения, он выполнил в течение часа. Муровцам из его отдела понадобилось ровно столько времени, чтобы установить наличие аналогичных случаев, имевших место за последний год. Речь шла не об убийствах губернаторов, а о подобных происшествиях, где присутствовал бы нож, перерезанное им горло, левый носок или нагой вид. Словом, все, что могло показаться похожим на случай в «Потсдаме».

Ребята сработали на совесть. Восьмого сентября, за две недели до убийства мирнского губернатора, на улице Енисейской в Бабушкинском районе был обнаружен на лавочке некто Бекмишев. Прибывшие по сообщению перепуганной бабушки с Бабушкинской врачи стали свидетелями необычной картины. На лавке спиной вверх валялся пьяный до изумления мужик, глухо матерился и боялся крутить головой. Кричал, что его ограбили и почти зарезали.

Действительно, в части своего повествования мужик Бекмишев был прав. Но не в части вывернутых карманов. Его шея носила следы хирургического вмешательства и была... Абстрагируясь от выражения «перерезана», следует употребить слово «порезана». Да! Она была порезана на полсантиметра от уха до уха, причем ни один из внутренних органов, отвечающий за жизнеспособность бекмишевского организма, поврежден не был. Вообще, складывалось впечатление, что Бекмишев шел, потом споткнулся, упал на серп и получил молотом по затылку.

Странного посетителя перевязали в клинической больнице, и уже на следующее утро тот, как и положено, сбежал.

Это были все аналогии, на которые напрашивалась оперативная память МУРа. Словом, с первым заданием проблем не было, и Тоцкий выполнил его быстро. Выполняя второе распоряжение Копеева-Приколова, уже являвшегося к тому моменту старшим оперативно-следственной группы по расследованию дела по факту убийства губернатора Мирнской области Резуна, он вернулся в номер.

Но вернулся не сразу. Едва майор сообщил, что они следуют наверх, администратор затеял суету с поиском ключа с деревянной грушей и номером «317» на ней. После того как номер был освобожден, ключ вернулся в распоряжение администратора, и тот, конечно, его утерял. Но, подстегиваемый незнакомым Тоцкому ранее моложавым кавказцем, решил проблему быстро. Дубликат ключа нашелся в горничной.

С майором поднимались на этаж трое из персонала «Потсдама»: дежурный администратор (не путать с Ярьеско, занимающим эту должность не через двое суток каждый месяц, а постоянно), дежуривший в ночь убийства, и уже допрошенный следователем начальник службы безопасности. А также человек, разговаривавший с начальником СБ в тот момент, когда Тоцкий обратился к последнему. Именно этот южанин с чистым и чуть бледным лицом проявлял усердие в поисках утерянного ключа от злополучного триста семнадцатого номера. «Охранник», – пронеслось тогда в голове майора. Однако, когда процессия, возглавляемая опером, уже почти поднялась на третий этаж, выяснилось, что один из троих, воспринятый Тоцким как охранник, в списках рядового персонала «Потсдама» не значится.

– А вы кто? – удивился Тоцкий, остановившись на полпути.

– Занкиев Сагидулла Салаевич, – сказал чернобровый джентльмен с седыми висками. Последнее выглядело странно, ибо на вид, если не учитывать виски, джентльмену было лет тридцать. Тридцать три – от силы.

– Замечательно. Но мне бы хотелось, так сказать... Вы кем здесь?

– Управляющим.

Заставив кавказца сориентироваться при ответе в падежах, незаметно для окружающих майор решил две задачи. Во-первых, стало ясно, что человек образован и «маму» с «папой» в беседах не путает. Во-вторых, ему нужен был тон. Любой кавказец свою должность, пусть даже он вагоновожатый, произнесет с таким пафосом, чтобы все убедились в том, что он здесь человек не случайный, и не от безысходности, и не от малого ума, а непременно – по собственному большому желанию и, что самое главное, – по призванию.

И он услышал этот тон. Спокойный, без ноток дерзости, вызова и снобизма. Он родился управляющим «Потсдама».

– Наконец-то, – сориентировавшись, сказал Тоцкий. – А мы уже подумали, что вы в командировке.

– Я с утра был сильно занят.

- Даже сильнее чувства, которое испытали, узнав, что в вашей гостинице убили человека?
- Я не испытываю чувств, – то ли красовался, то ли честно признавался управляющий. –

Я делаю бизнес.

И Тоцкий в этой ситуации принял единственно верное решение. Он попросил подождать его, спустился вниз и пригласил с собой еще одного молодого человека, ошибиться в социальной и должностной принадлежности которого теперь было просто невозможно. Тот был одет в коротенькую синюю курточку, шапочку без козырька и лакированные туфли. Коридорный, который, если исключить фрагмент лица, выглядывающий из-под шапочки, один в один – Колмацкий, задержанный Приколовым.

Теперь уже впятером они поднялись наверх, администратор отпер замок в двери триста семнадцатого номера, и процессия, проникнув внутрь, заняла зал двухкомнатного номера.

– Зачем мы здесь? – равнодушно поинтересовался управляющий и подошел к настенному зеркалу пригладить виски.

– В этом номере, – сыщик показал на пол, – убит государственный чиновник. А на этой кровати, – он обратил внимание на еще не прибранную, засохшую в замысловатых красных бурунах простынь, – ему перерезали горло. В этой связи я хочу задать ряд вопросов должностным лицам гостиницы, имевшим к этому косвенное отношение.

– Это каким образом, скажем, я имел к этому отношение? – уткнувшись в следователя враждебным взглядом, поинтересовался начальник службы безопасности.

– Хороший вопрос, – заметил Тоцкий, щелкая кнопкой на папке. – Главное, своевременный и в порядке правильной очередности. Именно с вами я и хотел побеседовать в первую очередь.

На столик, упиравшийся в пол четырьмя ножками, исполненными в виде лап кого-то из семейства кошачьих, упал лист. Буквы принтерной печати на нем слегка выгорели, как и положено при длительном нахождении документа под стеклом при искусственном освещении, но заглавие читалось легко даже с высоты человеческого роста.

– Это «Инструкция начальнику Службы безопасности гостиничного комплекса «Потсдам», подписанная Занкиевым Эс Эс. Я, так и не найдя за пять часов Занкиева Эс Эс, начал было волноваться.

Занкиев снова посетил плацдарм перед зеркалом и на этот раз пригладил поручиковские усы. Обычно так демонстрируют присутствующим: ты – сам по себе, да и я тебя не вижу.

– Пункт четвертый «Инструкции», – Тоцкий подтолкнул лист к начальнику службы. – Что там написано?

И майор отметил, что тот ведет себя точно так, как и управляющий. Взрослый дяденька лет сорока по фамилии Дутов сунул руки в карманы, отошел к окну и уже оттуда, рассматривая скользящие по Шаболовке авто, заговорил: «Начальник СБ отвечает за безопасность лиц, проживающих в гостиничном комплексе, включая и ночное время, если те находятся внутри гостиничного комплекса».

– Хотите взвалить вину на персонал? – вдруг спросил Занкиев. – Мы сделаем господину Дутову выговор за халатное отношение к службе. Но не его же вы собираетесь обвинять в убийстве?

- Как вы сказали? – тихо процедил Тоцкий. – Взвалить?

Ему очень хотелось подойти к этому управляющему и подышать утренняя завтрак в рот. Жена замоталась ночью с ребенком и не успела подсушиться на кухне. Компенсируя это, Тоцкий на ходу прикупил два пирожка с капустой и выпил пластиковый стаканчик кофе.

– Нет. Взваливать не хочу, ибо, когда взвалю, предупреждать не стану. Вы это мгновенно почувствуете на своих плечах. Но до вас, Занкиев, очередь еще не дошла. Сейчас имеет право отвечать Дутов.

– Дутов ответит, – пообещал Занкиев. – Но за свои действия отвечать будете и вы. Разница в том, что Дутов ответит перед вами, а вы – перед... Вам хорошо известна фамилия «Лейников»?

– Фамилия заместителя кафедры философии МГУ мне известна хорошо, – чувствуя в воздухе какое-то напряжение, ответил Тоцкий. Оперативный нюх майора стал улавливать какие-то неприятные нотки тревоги в воздухе, но Тоцкий не мог понять, откуда они исходят. Вынув из кармана телефон, он набрал номер и посмотрел на Занкиева.

На стене тикали часики, по которым совсем недавно сверял время Дергачев, отрабатывая армейские нормативы, на кровати по-прежнему бугрилась простынь, Занкиев продолжал гладить шерстку под носом, и в номере все сильнее отдавало какими-то нечистотами.

– Слушаю, – наконец-то отозвался вызываемый абонент.

– Тимофей Тимофеевич, это Андрей. У вас все в порядке?

– Да, Андрюша, – приветливо отозвался голос. – Сегодня со мной произошла презабавнейшая историю. Я приеду, расскажу!

– Лучше сейчас, – попросил Тоцкий, не сводя глаз с откровенно скучающего Занкиева.

– Семинар через минуту... Ну, да ладно. Представляешь, приходит ко мне сегодня молодой человек и предлагает пятьсот долларов за четверку в «зачетке». Открыто, не стеснясь, представляешь? – Тоцкий услышал в трубке задорный смех, свидетельствующий о том, что такие номера со старым профессором не проходят. – Но самое удивительное заключается том, что я его впервые вижу!

– Я понял, – Тоцкий через силу улыбнулся. – До встречи, – и сложил телефон. – Вот, оказывается, чем вы были сегодня заняты.

Последнее относилось уже к Занкиеву, который впервые за все время проявил на своем лице живой интерес.

– Мы так и будем разговаривать в присутствии прислуги?

– Для вас это прислуга, а для меня понятия.

– Это одно и то же, – не задержался с ответом Занкиев. – Если бы они вышли до того момента, когда вы начнете осуществлять оперативно-следственные действия, наш разговор был бы более продуктивен.

«Школа», – уверился Тоцкий, кивая коридорному и дежурному администратору на дверь...

– Дай угадаю, – попросил, прервав рассказ майора, Приколов. – Когда вы остались вдвоем, господин Занкиев выразил разочарование по поводу того, что лучшие сотрудники гостиницы томятся в тюрьме, в то время как зверь, перерезающий людям горло, гуляет на свободе и жирует. А без Яресько механизм гостиницы вообще заклинит уже через несколько часов... Кто такой Лейников Тимофей Тимофеевич?

– Это мой тесть, – сказал майор и поставил на стол пепельницу, в которой только что лишил жизни дымящуюся сигарету.

Антон шумно выдохнул воздух через сжатые губы, но в остальном с собой справился.

– Ловко. Отсутствовал несколько часов, господин Занкиев решил вопрос о предупреждении Тоцкого о том, что в жизни профессора Лейникова могут наметиться значительные перемены. Слишком резво начато, ты не находишь?

... Тоцкий находил. Выслушав Занкиева с большим вниманием, он с минуту молчал, после чего повернулся к окну:

– Дутов, переместитесь, наконец, к столу. Пока я не переместил вас к Петровке.

Занкиев попросил вывести коридорного и дежурного администратора, оставив в номере начальника своей службы безопасности. Он вывел прислугу, а получилось, что – понятых. То

есть – свидетелей разговора. Чувствуя некоторую свободу, Дутов подошел нехотя, не вынимая из карманов рук, а Занкиев пошел еще дальше.

Он приблизился к столу, сунул руку в карман и вынул конверт так быстро, словно тот сам заскочил в его ладонь.

– Андрей Андреевич, – сказал управляющий, зачем-то отодвигая в сторону Дутова и занимая его место, – моя гостиница – эталон законопослушания и высокого качества оказываемых услуг. То, что произошло внутри ее стен, не укладывается в ее обычный быт.

Тоцкий уже почти был уверен в том, что за дверями стоят люди Занкиева. Все развивается в рамках плохого сценария, на качество которого у сценариста просто не хватило времени. Размышляя, как далее будет происходить дача взятки, что прозвучит в просительной части и как действовать при возможном входе в номер непрошенных гостей, майор поднял со стола папку и поместил ее под мышку. И почувствовал, что остался в гостинице один напрасно.

Между тем Занкиев не делал никаких попыток усугубить ситуацию, а просто положил конверт поверх «Инструкции». Тонкий жест, далеко идущий.

– На Ярьсько завязана вся организация работы гостиницы. Он честнейший из людей. Зачем мучить хорошего человека?

– Что-то вы о Колмацком ни слова, – заметил Тоцкий.

– На Колмацком не завязана организация работы всей гостиницы.

Майор подошел к столу, склонился над конвертом и, слушая затаенное дыхание присутствующих... вырвал из-под конверта инструкцию.

– Я вам сообщу, – сказал и вышел из номера.

– Мне нужно было время, чтобы предупредить Лейникова, – объяснил он Приколову.

Да, это были издержки «одиночного плавания», в которые изредка пускаются оперативные работники МУРа.

Получилось следующее. Поняв, что в гостинице что-то случилось, Занкиев все утро и половину дня провел в работе. Выяснял, кто возглавляет следственно-оперативную группу, возможно, даже выяснял в Следственном комитете, правомерна ли она, то есть вынесено ли постановление на ее создание, и, когда понял, что руководит ею никому не известный следователь Приколов, тут же переориентировал свои интересы на более доступное лицо – Тоцкого. И проверка состоялась.

Несомненно, Занкиев положил уже немало сил. И вряд ли теперь намерен отступать. Вопрос другой: зачем ему это все нужно?

Он делает попытки вынуть Ярьсько из следственного изолятора, словно это администратор совершил убийство, и при этом администратор является родным братом управляющего.

Антон допил чай и поставил чашку на стол.

– Лейникова – в отпуск, в деревню. У него есть на примете деревня? Так вот, справку из поликлиники – и туда. Сердце. Нужен свежий воздух, максимум романтизма и минимум незнакомых студентов с зачетными книжками в руках. А Ярьсько можно отпускать. Не потому, что Тоцкий влип. Пусть сам выкручивается опер. Не дело это – по гнездам разврата в одиночку шататься. Потому что наговорил Павел Маркович под запись магнитную и бумажную столько, что сейчас он, скорее, на стороне следствия, нежели управляющего. А чтобы ввести в стан неизвестных пока врагов подругу-непонятку, нужно сделать так, чтобы и рыбу съесть, и кости сдать.

Спустя полчаса Приколов уже подписал у Генерального обоснованный рапорт о необходимости направления в Мирнск двоих сотрудников МУРа для выяснения двух вопросов. Чем занимался господин Резун на посту губернатора, исполняя функции оного, и чем увлекался на досуге.

И вечером этого же, двадцать четвертого сентября, через два часа после того, как из ИВС вышли растерянные Колмацкий и Ярьсько, Тоцкий и Дергачев уже пили минеральную воду в самолете, уносящем их на восток.

Глава 3

Яресько поначалу не поверил в происходящее. Выйдя из изолятора на улицу со шнурками и брючным ремнем в руках и копией постановления об освобождении, в случае несогласия с которым в этой части ему предлагалось обжаловать действия следователя Следственного комитета Приколова, он с минуту постоял перед зданием на Красной Пресне, потом двинулся по улице.

Нашел лавочку, вддел шнурки и направился дальше. Потом вспомнил о ремне, вддел и его. Потом вспомнил о деньгах и решил остановить машину. Но сначала...

Администратор воровато оглянулся и вошел в пахнущий сыростью двор. Нужно срочно ехать на экспертизу и в присутствии врача фиксировать побои, нанесенные ему при допросах.

Еще раз посмотрел по сторонам, уперся руками в стенку с выщербленным кирпичом и несколько раз вскользь ударил ее своей височной частью. Из рассеченной брови хлынула кровь.

Яресько испугался. Ему в зрелом возрасте лицо никогда не били, а потому откуда, спрашивается, администратору «Потсдама» было знать, что из рассечения на твердых участках головы крови порой бывает больше, чем от ножевого ранения в грудь?

Она, алая, лилась ручьем и заливала одежду. Яресько стирал ее платком, возвращенным в дежурной части, и холодел от той мысли, что не хватало еще от кровопотери потерять сознание и оказаться доставленным в больницу как жертва уличного нападения.

Кровь остановилась, и администратор решил выгулять часов пять, пока она засохнет, чтобы со спокойной душой отправляться на судебно-медицинскую экспертизу. Пусть снимут побои.

На чем он остановился? Ах да, били опера. Приколов, следовательно, тот не бил. Он курил ему в лицо, опершись ногой в стул, на котором сидел Яресько, и говорил препакознейшие вещи. Мол, сознаваться в убийстве нужно. Мол, управляющего уличать. Куда, мол, деньги и золото Резуна дел? Нет, нет, о золоте – ни слова. Цепь-то какая на шее осталась... Просто – деньги. Где, мол, кричал Приколов, деньги? Сука, мол.

И тут он вспомнил о своих деньгах. Вернули все до последней копейки. И ключи от квартиры вернули, и «Ролекс», и перстень с александритом, и платок. Но платок уже весь мокрый, и Яресько выбросил его в урну.

Колеса завизжали, машина остановилась.

– Куда едем, командир?

– На Большую Оленью, – буркнул администратор, падая на переднее сиденье.

– Далеко до Большой Оленьей, – предупредил водила лет тридцати на вид.

– Не обижу, – пообещал администратор.

Он хранил покой до того момента, пока по старой шоферской привычке не разговорился таксист-частник.

– Это я сейчас «частник», – объяснял он. – Из парка ушел, потому что невыгодно. Ремонт, бензин – за свой счет. «Три тополя на Плющихе» видел? Вот точно так же стоишь, стоишь... А лицензию получать – еще дороже выходит. Так что сейчас приходится вот так, на подхвате... Вот куда, сволочь, лезет?! Ты вправо прими, бес!.. Если повезет – то дальний рейс. На Большую Оленью, к примеру.

Яресько поджал губы, поморщился и отвел взгляд от переднего стекла к боковому. Вот эти «вагонные встречи» он никогда не поощрял ранее, а сейчас, когда после стольких лет езды на «Мерседесе» вынужден был слушать этот шоферской бред, он казался ему еще более навязчивым, чем десять лет назад.

– А мы ведь раньше, прежде чем в парк устроиться, экзамен по истории Москвы сдавали, – рассказывал водитель. – Чтобы было чем клиента во время поездки развлечь. О домах

памятных рассказывали, датах, о площадях, о людях, которые город прославили. О любой улице мог наговорить, причем истинной правды. И ты знаешь, не одни мы, московские таксисты, такой экзамен сдавали. Это по всему СэСэСэРу практиковалось! – такой вот, единый госэкзамен...

Яреско устал, и у него заболела голова. Она заболела еще в изоляторе, сразу после откровений следователю. После сражения с довоенными постройками она просто раскалывалась. И болтовня водителя была тем самым раздражителем, который эту боль усиливал.

– А про Большую Оленью что расскажешь? – закрыв глаза, буркнул Яреско. – Что на ней живут чукчи?

– Нет, на ней живут самые настоящие олени, – ответил таксист.

Яреско на какое-то мгновение открыл глаза. Разве тот не знает, что Яреско не в гости едет, а домой?

– Между прочим, я живу на Большой Оленьей, – предупредил, ожидая смущения, администратор.

– Я знаю, – ничуть не тушуясь в ответ, сказал водитель, и Яреско встревожился, – что ты живешь в пятом доме на Большой Оленьей.

На Павла Марковича нахлынули воспоминания о Занкиеве, о последних событиях, о своей слабыхарактерности в кабинете следователя, и захотелось тут же выйти. Но сделать это было невозможно. Водитель так втиснул машину между стоящими рядом, что в образовавшуюся щель невозможно было бы даже просунуть руку.

– Только олень, выйдя из ИВС, направится во двор восьмого дома Стремянного переулка, чтобы раскроить себе голову, а после обвинять в этом правоохранительные органы. Но делать это глупо изначально, потому что в СМЭ работают не лохи, и они обязательно зафиксируют время более позднее, чем час твоего освобождения из изолятора.

Машина проехала после светофора метров семьдесят и прижалась к обочине. Водитель заглушил двигатель и развернулся к администратору.

– Голову тебе разобьют обязательно. Но не правоохранительные органы. Ты сам знаешь кто. А потому я покажу тебе сейчас Москву, историю которой изучал не в таксопарке, а на истфаке МГУ. В тридцати метрах от нас приармянился белый «Фольксваген», который пасет тебя уже целый час, и нам следует от него оторваться. После мы доедем до аэропорта, и я усажу тебя на первый же рейс, убывающий в Питер. У тебя неподалеку от Аничкова дворца живет баба, о которой не знает никто, кроме нас и твоей жены. Полгода тобой даже пахнуть не должно в столице. Если хочешь жить, конечно. Вот телефон. Звонить каждый день в девятнадцать часов. Все понял?

Ошеломленный Яреско вертел в руке визитку, единственным достоинством которой было семь цифр, и не знал, что ответить. Хотя, понял он, естественно, все.

– А... жена...

– Жена не знает, где ты будешь и у кого. Ее сейчас в Москве вообще нет. Она с детьми решила пройтись на кораблике по Средиземноморью. Если хочешь попасть в программу по охране свидетелей, делай все в точности с инструкцией. Все понял?

Яреско сглотнул сухой комок и кивнул головой.

– Молодец, Павел Маркович. Ты не олень. А сейчас советую пристегнуться.

* * *

Заключения экспертиз легли на стол Приколова не в шесть часов, как обещал судебный медик, а в начале восьмого. Первый документ свидетельствовал, что никаких телесных повреждений на теле Резуна, за исключением перерезанного горла, не обнаружено. Смерть причи-

нена режущим предметом, имеющим неровную режущую кромку, одним движением. Засомневавшись в том, что информация воспринята им адекватно, Приколов поспешил снять с телефона трубку и набрать номер медика.

– Иван Матвеевич? Рад, что застал. Объясни мне, пожалуйста, что такое «оружие с неровной режущей кромкой». А то прямо-таки фантазии не хватает. Пилой, что ли?

– Как тебе объяснить, Антон... – С первой минуты медик называл Антона на «ты», и это не выглядело фамильярностью – медик был почти вдвое старше Копаева. – Поверие, что нож тем лучше, чем ровнее его лезвие и чем оно острее, неверно. Человеческое тело имеет такую структуру, что лучше всего оно приходит в негодность от воздействия не ровных и острых предметов – хотя и от этого тоже, – а от фигурных. Скажем, мечи самурайские на боковой стороне лезвия имеют волнообразные срезы. Поэтому, когда им рубят с оттягом по ногам, рукам и головам, они отваливаются, а не надрубаются. Отвалить вражескую голову можно и казачьей шашкой, но на это уйдет в два раза больше силы, что в бою, как ты понимаешь, невыгодно. Воин устает в два раза быстрее. Еще пример – нынешние ножи для рукопашного боя. Они сплошь зазубрены. Ножи в ближнем бою уже не модно втыкать в плоть. Чиркнул по запястью противника вполсилы – и тому уже не до героизма. Слабое движение рассекает и вены, и сухожилия, и даже повреждает кость.

Продemonстрировав в очередной раз свой арсенал познаний, он закончил тем, чем, по мнению Антона, должен был начать:

– Я полагаю, что преступник резко провел специально предназначенным для диверсионных целей ножом по горлу Резуна слева направо, чем причинил ему смерть.

Приколов на мгновение оторвался от трубки, прислонил свою голову к стене и провел по своему горлу ладонью.

– То есть убийца был правша?

– А на себе показывать, Антоша, нельзя! – правильно понял молчание следователя медик. – Хотя прикинул ты правильно. Голова губернатора находилась у самой стены, проход справа. Можно предположить, что преступник оперся на грудь Резуна левой рукой, а правой резко и сильно провел лезвием по горлу. Но, Антон, если он оперся свободной рукой не на грудь, а на лоб Резуна, тогда резал он рукой левой.

И вдруг медик огорошил Приколова. Неугомонный Столяров, которому перерезанного горла показалось мало, произвел повторную экспертизу, результаты которой готовился представить следователю завтра к обеду. Оказывается, в желудке губернатора была такая доза клофелина, что...

– Словом, много, Антон, очень много. Теперь даже не знаю – огорчил тебя или обрадовал.

Приколов поблагодарил и положил трубку. При теперешнем положении, когда версии отсутствуют, радоваться или огорчаться новой информации не имеет смысла. Надежды Быкова, равно и надежды руководителя Главного управления собственной безопасности МВД, пока не оправдывались. До сих пор не известен даже мотив убийства, не говоря уже о подозрениях в причастности к преступлению кого-то из силовых структур.

Антон вчитался в текст, поморщился. Видимо, преступник провел ножом сильно: из заключения следовало, что лезвием почти наполовину рассечен межпозвоночный диск между вторым и третьим позвонками. Еще чуть-чуть, диск был бы рассечен пополам, и уже ничем не сдерживаемая рука отвалила бы голову губернатора.

Впечатляла и длина лезвия. Медик настаивал, что она составляет не менее двадцати трех – двадцати пяти сантиметров. Что ж, ему, специалисту, виднее.

Ответ на второй вопрос, поставленный перед медиком, был ясен, а потому разговора о нем и не заходило. Смерть потерпевшего наступила в период между 23.30 и 00.30. Что тут уточнять? Медик своих цифр обратно все равно не заберет. То же время он указывал и при первичном осмотре трупа.

Второе заключение – заключение экспертизы, которую проводил Молибога – эксперт-криминалист при Следственном комитете, было еще более загадочным. Не потому, что Приколов не понимал смысла напечатанного, а потому что он, опер, находясь в ясном уме и трезвой памяти, никак не мог догадаться, как в желудке убитого Резуна могли быть обнаружены вареные креветки, которые он запивал пивом «Портер» *непосредственно* перед смертью. Непосредственно... Очень хочется уточнить у Молибоги, что он имел в виду, когда в документе под названием «Заключение экспертизы» употреблял беллетристический термин «непосредственно».

Копаев открыл записную книжку, нашел в переписанных утром номерах нужный. Набрал номер.

– Молибога? Добрый вечер. Это Приколов.

– Приколов? – огорченно удивился криминалист. – Только не говорите, что нужно срочно куда-то ехать!

– Спокойно, Молибога, – попросил Антон. – Я обратный кроссворд разгадываю. Есть слово, а к нему нужно подобрать определение из имеющихся.

– Ну, если тебе нечем больше заняться, да и жена моя к соседке ушла... А что за слово?

– «Непосредственно».

– Ну, вы даете, – удивился эксперт. – Тут много определений может быть. Скажем... – Молибога долго молчал, потом стал бормотать что-то насчет того, что слово идиотское, вставить его в кроссворд мог только маньяк-сексопат, и, вообще, смотря перед чем это «непосредственно». А в конце, попав в тупик, он просто разозлился. – В огонь этот кроссворд, к чертовой матери! Что там из вариантов ответа есть?!

– Тут много, – хищно улыбнулся Копаев. – Двухмесячная подготовка космонавтов непосредственно перед полетом на околоземную орбиту. Ходатайство адвоката непосредственно перед судебным заседанием. Надевание презерватива непосредственно перед актом. Ну и, наконец, пиво «Портер», креветки, перерезанное горло.

– Жена пришла... Там, это, понимаете... Судя по креветкам, они еще не успели разложиться под желудочным соком. Жидкость в желудке крепость не утратила, значит, выпита перед смертью. Я имел в виду, что он ел и пил в номере.

Копаев-Приколов положил трубку и засмеялся. Так бы и писал! А то – «непосредственно»... Резун пил пиво под креветки, скорее всего, не один, потому что в одиночку мужик будет пить пиво не с деликатесами, а с воблой. Даже губернатор. Креветки – это стиль демонстрации возможностей, и распускать перед самим собой хвост губернатор вряд ли стал бы. Значит, был гость, а поскольку на кухне «Потсдама» уверяют, что ничего, кроме сока, кофе и тостов, Резун в номер не заказывал, угощение принес с собой гость. Вот он-то, скорее всего, Резуна и обидел.

И сразу после появления на свет этого вывода резонно встал вопрос: а почему Резун ел креветки и запивал их «Портером» в чем мать родила? Гостем была женщина, и поздний ужин принесла она, дабы восполнить пробел, как говорит Молибога, «непосредственно» перед этим? Или после этого?

Медик утверждает, что этого не было вовсе. Поели, и Резун умер? Вполне возможно. Однако характер повреждения свидетельствует о том, что резал мужик. На этом настаивает все тот же Столяров. Однако у Майи, например, ножки и ручки, нужно заметить, развитые... В конкурсах красоты рахиты не участвуют.

Приколов, чувствуя, что количество версий увеличивается в прямо пропорциональной зависимости от времени его раздумий, бросил заключение на стол и полез за сигаретами.

В конце концов, могла быть в гостях женщина. Пришла, принесла, поели, попили, сказала: «Я на минутку, милый», – и ушла в ванную. Резун не стал тратить время на лишние хлопоты, принялся раздеваться, и в тот момент, когда стаскивал правый носок, в комнату вошел

мужик. «Привет, милый», – поприветствовал, перерезал губернатору горло и накрыл с головой одеялом, чтобы не забрызгаться кровью. Прижал к кровати и держал до тех пор, пока Резун не умер. Потом вместе с женщиной убрали принесенное угощение, затерли все следы и ушли.

Вот и вся история, если подходить к ней не с точки зрения философской конвергенции и попыток найти в действиях преступников ультразамысел, а просто. Как делал бы сам. Антон, попадая впросак, часто начинал думать: будь мне это нужно, что бы делал я, дабы выглядеть тем человеком, который исполняет заранее обдуманный план, но совершает ошибки в силу различных объективных причин?

Так куда могли деться остатки креветочного ужина из номера убиенного Резуна?

Сев в машину Следственного комитета, он велел ехать в «Потсдам».

«Цепь, – думал Антон, разглядывая начавшие проявляться на темных улицах, но еще бледные неоновые огни. – Медик был прав, цепь неординарная. Розовая работа, исполненная из червонного золота. Девятьсот девяносто девятую пробу носят сейчас, наверное, только цыгане. Продажа наркотиков – дело опасное, деньги нужно постоянно укладывать стопкой, но так много не накопишь. Придут борцы с наркотой и все выметут под опись. В земле деньги неохранишь, да и смысла закапывать нет. Пока выкопаешь, их или деноминируют, или другие нарисуют. С банком цыгану связаться, это все равно, как если в уголовный розыск пойти работать. А последний из цыганских ментов – из «Неуловимых».

Золото. Вот то, что не портится в земле, не занимает много места и при необходимости легко превращается в наличные. Но проба должна быть непременно девятьсот девяносто девятая.

– И вот у нас появился вовсе не цыганский барон, а светский губернатор Резун, на шее которого золотая цепь из червонного золота весом в двести восемьдесят три целых семьдесят три сотых, если верить Молибоге, грамма...

А жена Константина Игоревича, на всякий случай, этой цепи на шее мужа при отъезде его в Москву не помнит. Она ее на шее мужа вообще не помнит. Справедливости ради нужно заметить, что вопрос тот в мертвецкой был задан сразу после опознания.

– Так что это за цепь? – пробормотал Копаев.

* * *

Фойе. Это лицо каждой гостиницы.

Приколов миновал этот мавзолейный участок и остановился у зеркальной перегородки.

– Вам место? – тут же заинтересовался дежурный.

Антон сверкнул удостоверением и справился о помещении для горничных. Его тут же провели, и в глазах портье, назначенным в качестве проводника, опер увидел вопрос о том, нужно ли брать у следователя папку. Решил, что такой багаж мужик в силах донести сам, и повел Копаева по закоулкам коридоров. Первый этаж – административная часть «Потсдама» скрывалась от людского взгляда за мощной дубовой дверью. Комнаты для персонала женского пола, мужского, портье, горничные, уборщики, технички, слесари, повара...

Горничные встретили Антона равнодушно, словно к ним зашел не мужчина в расцвете сил, а портье. Провели по нему взглядом, безошибочно определили статус, финансовое положение и мотивацию поведения. Догадавшись об этом, Копаев отпустил несколько незатертых шуток, во время которых выискивал нужный объект для беседы, выбрал, и, сообщив напоследок, что не видел женщин милее, чем здесь, пригласил будущую собеседницу с собой.

По представлению Антона, это была самая опытная, старослужащая горничная. Во время выбора он колебался между дилеммой: молодая и разговорчивая или взрослая и умеющая держать рот на замке. Последняя, судя по всему, работала в гостинице долго, и это давало основание полагать, что держать на замке рот и быть послушной руководству она умеет. А это пред-

полагало определенные проблемы при общении. Но зато у нее было главное качество, которое перевешивало все остальные. Она знала в этой гостинице всё.

Не успел Копаяев распахнуть дверь, как от нее отскочил портье...

Знакомая сценка.

Они вышли, поднялись на третий этаж, причем по пути Антон толковал о чем угодно, только не о деле. И, лишь когда дверь триста семнадцатого номера распахнулась, он вынул из кармана непечатую пачку жвачки, сдернул с нее часть обертки и бросил в урну. И тут же в смущении остановился.

– Что ж я так... Кто-то только что убрал, а я... – и сделал попытку наклониться.

– Ничего страшного, – заметила не имеющая опыта общения с такими монстрами, как Копаяев, горничная. – В девять придет девочка и уберет.

– Разве не утром? – удивился Антон.

– Девочка приходит и утром, и вечером, – улыбнулась она, приятно удивленная порядочностью следователя. – И оба раза в девять.

– И с девяти вечера до девяти утра у вас в гостинице лежит мусор и озонирует здание? – он рассмеялся. – До отеля «Виктория», что в Лондоне, нам все-таки далеко. Не успеваем за прогрессом.

Она просто обязана была стать на защиту гостиницы, в которой проработала пять лет. И стала:

– Муниципалитет, – делая ударение на каждом слове, что должно было внушить следователю уверенность в том, что «Виктория» по сравнению с «Потсдамом» – забегаловка, – вывозит мусор из нашей гостиницы ровно в половине одиннадцатого вечера ежедневно. Так что ничего в здании не озонирует.

Да, он был прав в своем выборе. Так подробно объяснять дураку-следователю могла только опытная горничная.

Шагнув в прихожую, он резко распахнул дверь и выбросил в коридор руку. Втаскивать удерживаемого за ухо насмерть перепуганного такой атакой портье он не стал и вышел сам.

– Подслушиваем у косяков? Подсматриваем в щели? Принюхиваемся к запахам в женских номерах?

– Я хотел... – морщась от ужаса, пролепетал портье.

– Еще раз увижу – оторву пипетку, – пообещал Антон. – Где у тебя пипетка?

– Вот здесь...

– Я имел в виду нос. Но раз так, то оторву обе пипетки, – оглянувшись, Копаяев сделал шаг назад и врезал ногой по тощему заду портье.

Когда он вошел, горничная никак не могла совместить милую улыбку на его лице со звуком, перепутать который с чем-то другим никак невозможно.

– Кто убирал этот номер и в котором часу? – и он подошел к ней вплотную, словно собирався поцеловать.

Женщина испугалась, в ее глазах проскользнул и был замечен Копаяевым страх за то, что она сболтнула лишнее.

– Что вы застыли? Я спросил имя горничной, наводившей порядок в этом помещении.

– Таня, – ответила она. – Полчаса назад, – добавила, вспомнив, что вопрос состоял из двух частей.

– Таню, – провозгласил Антон. – Сейчас, – добавил он, не видя в движении горничной стремления к выходу.

Они спустились по лестнице, но Таня уже ушла.

Поднялись на второй этаж. Там Таня в коротеньком белоснежном передничке протирала в номере люкс пыль с телевизора.

Следователь оказался настоящим грубияном. Он взял девушку за руку, вытащил из ее второй руки метелку и бросил на диван. Провел в коридор и завис над ней, как фонарь, зная на предыдущем примере, что на горничных это действует убедительнее всего.

– Тридцать минут назад вы убирали триста семнадцатый номер. Куда вы его снесли? Мусор, я имею в виду, конечно.

Она повела его по катакомбам коридоров в подвал. Подвальное помещение было разделено на две части. Подземная автостоянка и мусорный отсек.

Отправив девушку восвояси, он вошел внутрь и тут же пожалел, что не оставил папку в машине. Мусоросборник напоминал дно большой лифтовой шахты, куда сваливался мусор со всех этажей. Оставлять ее за дверью было глупо, а потому он, зажав ее под мышкой, занялся раскопками. В конце концов, не так уж много в гостинице людей, балующихся креветками. Разыскав среди груды отходов выдернутую из горшка и выброшенную вместе с засохшим фикусом деревянную рейку, которая, по-видимому, этот фикус и поддерживала до самой его смерти, он посмотрел на часы. В его распоряжении был один час и пятьдесят три минуты. Если, конечно, «муниципалитет» пунктуален и приезжает минута в минуту.

Очень быстро он стал классифицировать мусор по принадлежности. Гора отходов с человеческий рост, лежащая перед ним, состояла из разных категорий. Вот этот хлам, с опилками и стружкой – из столярной, табличку на которой он успел разглядеть, поспевая по коридору за портье. Сотни черных, свернутых в шар полиэтиленовых пакетов – из номеров, дело рук горничных. Разворачивать придется каждый, и Антон, разрывая тугие мешки одним движением, ронял на свои рукава чужие окурки, фантики, пустые пачки сигарет, использованные презервативы и даже белокурый женский парик.

Гостиница живет своей жизнью, немного отличающейся от нормальной. Здесь все проще. И, если рядом с презервативами обнаруживается парик, значит, ночь была чертовски хороша...

Через час поисков, ненавидя запах, идущий от него, Копяев кончиками пальцев выдернул из пачки сигарету и закурил. Отошел к стене и понял, что за те пятьдесят три минуты, если по дороге с водителем мусоровоза не случится сердечный приступ, он ничего не найдет. Нужен оригинальный ход. Или, на худой конец, просто разумный. Догадка. Наитие с небес, опустившееся в это зловонное, плохо вентилируемое помещение. Но музы сюда не забредают даже по ошибке, им тут нечего делать. Хотя музу можно провести и завлечь сюда обманом.

Креветки, «Портер»... Он перелопатил уже полтонны мусора, шелестящего, чавкающего и сочащегося, но не обнаружил среди этих мешков ни одного, где присутствовала бы упаковка из-под креветок или бутылки из-под портера. С бутылками можно не надеяться. Они сюда не спускаются. Тормозятся наверху, чтобы реализовываться в пункты приема. То же самое – с алюминиевыми банками из-под напитков. Потому он и не нашел ничего, кроме трех фигурных бутылок из-под водки, не пригодных под сдачу, да с десятков таких же емкостей из-под вина.

Один раз ему посчастливилось – он наткнулся на пакет, принесенный из триста семнадцатого номера. Не найдя в нем ничего более примечательнее какой-то квитанции, он сунул ее в карман и продолжил раскопки.

Креветки, креветки... Или, как пишет эксперт-криминалист Молибога, – «вареные креветки». Ну, понятно, что вареные. Сырые креветки, это то же самое, что и живой рак. Антон не видел ни одного, кто пил бы «Портер» и закусывал его сырыми раками.

Муза, прорвавшись сквозь наглухо запертые двери мусорной шахты, испачкала крылья, порвала подол платья и рухнула, тренькнув лирой, у ног советника.

Креветки... Они вареные! Никто не станет варить креветки в номере! – что он ищет?! Он ищет упаковку из-под креветок, маленьких красных морских тараканов, считающихся деликатесом, разрывая мешки с мусором из гостиничных номеров!

В «Потсдаме», как и в других гостиницах, считающих себя пятизвездочными отелями, пища готовится исключительно на кухне!..

Когда он вернулся к горничным, число которых за последний час заметно поубавилось, оставшиеся сдержались изо всех сил, чтобы не наморщить носики. От следователя несло так, словно он пил весь вечер, всю ночь, утром вылез из мусорного бака, похмелился и пришел.

– Где смена поваров, работавшая в эту ночь? – Можно было с этим вопросом зайти напрямую к дежурному администратору, но Копаев был уверен, что сейчас поступает правильно. – Я задал вопрос из области теоретической физики?

Одна из обладательниц тонких длинных ног и коротенького фартучка показала на стену. В этом направлении находился выход из «Потсдама», Донское кладбище, Париж, Куба, Япония и Омск. Люди, отвечающие подобным образом, не понимают, что показывают при этом на себя.

Оказалось, имелась в виду комната, расположенная через стену. Там переодевалась для отбытия домой раскрасневшаяся за сутки бригада поваров и поварят. Они должны были уйти через несколько минут, но как раз именно этого времени им и не хватило. Антон без стука вошел в комнату и обнаружил там троих людей в городском одеянии, которые стоя ожидали четвертого, снимающего белые хлопчатобумажные брюки. Ждали они его, если соразмерять время с содержимым пивных бутылок в их руках, порядка десяти минут. Но губит людей не пиво, губит людей вода. Та, что вдруг прорвала кран на кухне, и один из отработавших смену кухонных работников остался, дабы перепоручить работу прибывшим слесарям.

– Здравствуйте, господа, – сказал, не скрывая удовольствия, Копаев. – Вижу, торопитесь. Понимаю. А потому спрашиваю – лезть в карман за удостоверением или на слово поверите? У меня руки, видите ли, грязные.

Он вспомнил. Один из четверых, присев на стул, вспомнил! Это он готовил креветки под чесночным соусом в половине одиннадцатого вечера. Пришла Майя и сказала: «Приготовь козлам креветок». – «Почему козлам?» – спросил он, догадываясь по лицу Майи почему. «Доллар пожалели», – ответила Майя, и повар понял, что ошибся.

Он сварил креветок, выложил на блюдо, украсил зеленью, приготовил в горшочке соус и вызвал Майю. Но той почему-то не оказалось на месте («Майя в это время была с Колмацким в «люксе», – вспомнил Антон), и заказ унесла Зина.

«Парад имен!» – взревел внутри опера УСБ демон.

– Она говорила, в какой номер готовится заказ?

Не говорила.

– Кто-то еще этой ночью заказывал креветок? Я ко всем обращаюсь.

Все помотали головами – не слышали о таком.

Копаев вернулся к горничным. Их стало в два раза меньше. Наступала смена, и Антону посчастливилось, что он вообще кого-то застал.

– Где Зина?

Молчание было ему наградой. Группа работниц тянула время, чтобы переодеться и уйти.

– Хотите стать главными героинями сериала «Разочарованные»? – удивился Копаев. – Не вижу проблем. Рисую перспективы. Через три минуты после того, как я не получу ответа, ни одна из присутствующих дам хранить трудовую книжку в этой гостинице уже не будет. После этого попробуйте только сунуть нос на Тверскую – увезу за сто первый километр.

Антон очертил в воздухе круг, означающий МКАД, отмерил от края обеими руками аршин в сторону и показал, где будут находиться упрямые горничные. Если соразмерить масштаб, это было уже где-то под Самарой. Не «сто первый», разумеется, но Копаев изо всех сил старался дать понять, что ради такого дела государственного бензина не пожалеет.

– Зина вместе с Колей пошли к нему домой.

«Я сегодня сойду с ума», – подумал Копаев, но вслух терпеливо пробормотал:

– Кто такой Коля, где Коля живет? Как Зина выглядит?

На этот раз ему повезло. Не придется ни в мусоре ползать, ни заманивать на свалку уже затаившую обиду музу. Горничная Зина, честно отработав смену, ушла с электриком Колей,

имеющим в «Потсдаме» статус Тарзана, к нему домой на Шаболовку. Неподалеку от этого дома пишутся сценарии для «АБВГ Дейки». А что касается последнего вопроса следователя, Зина – девушка приятной наружности двадцати двух лет, имеющая каштановые волосы, зеленые глаза и особую примету: ее Коля ужасно картавит и заикается.

– Картавый, заикающийся Тарзан? – переспросил Копаяев. – Ну-ну. Хотелось бы посмотреть, как он колотит себя в грудь и оглашает джунгли победным криком.

В коридоре, на выходе из хозблока в фойе, он вдруг столкнулся с Занкиевым. Не справившись с эмоциями, Сагидулла Салаевич дернул носом, но в основном выдержал неожиданность стойко.

– Почему вы меня не известили, что допрашиваете моих людей?

Антон хотел выйти, не заметив управляющего, но его вопрос заставил оперативника сбросить обороты и остановиться.

– Вы не видели своего администратора?

– Если я не ошибаюсь, вы содержите его в СИЗО, – подумав мгновение, ответил Занкиев и машинально пригладил усы.

Копаяев шагнул к нему на неприлично близкое расстояние.

– А с братом своим когда в последний раз связывались?

– С братом? – тихо пробормотал Занкиев. И вдруг сделал несколько шагов назад, выдернул из кармана телефон и набрал на нем номер. От его приглушенных, но резких и гортанных чеченских фраз в фойе наступила тишина. Вряд ли кто из подчиненного персонала видел своего хозяина в таком беспомощном и взволнованном состоянии.

– Ты где, Али? – спрашивал младший Занкиев старшего. – Что с тобой? У тебя все в порядке?

– У меня все в порядке, брат, – отвечал старший младшему. – Но два часа назад со мной произошла странная история. На Тверской-Ямской мой «БМВ» остановила полиция и заставила выйти из машины. Меня поставили лицом к капоту и обыскали карманы в присутствии понятых. Брат, эти шакалы подкинули и нашли в моем правом кармане пакетик с белым порошком. Я клялся, что он не мой, доказывал, что меня подставили, потому что я с Кавказа, но меня увезли в дежурную часть какого-то отделения полиции Центрального округа, составили протокол и посадили в камеру. Через полчаса выпустили, извинились, сказали, что в пакетике был аспирин, и я должен был сразу сказать об этом полицейским, а не морочить им голову. Меня выпустили, и я не потратил на это ни единого доллара. Я ничего не понимаю, брат. Менты совсем сошли с ума, брат.

– Я хорошо понимаю, брат, – сказал Занкиев-управляющий. – Я очень хорошо все понимаю. Я перезвоню тебе, брат.

Он захлопнул телефон и спрятал его в карман.

– С ним все в порядке? – встревожился Антон. – У вас пропал с лица загар.

Ни слова не говоря, тот сделал презрительную мину и, отшатнувшись от того места, где стоял, повернулся к следователю спиной.

– Идите ко мне, Занкиев, – громко, убивая и без того мертвую тишину фойе, приказал Копаяев. – Я не закончил с вами. Или хотите сесть на заднее сиденье моей машины?

Он видел эту муку подчинения, отражавшуюся от лица управляющего, как от зеркала. Это было не просто неприятно. Занкиеву было невероятно стыдно подчиняться и подходить к следователю, словно решившая вдруг повиноваться вышедшая из-под контроля собака. И Антон, чтобы это видели все, сократил расстояние между ними до критического.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.